

И О В Ъ І Ѹ
М Т І Р

(6)

1(9) (6) 4

НОВОЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Год издания XL

№ 6

Июнь, 1964 г.

О Р Г А Н С О Ю З А П И С А Т Е Л Е Й С С С Р

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
КАЙСЫН КУЛИЕВ — Из новой книги стихов «Раненый камень». Перевел с балкарского Н. Коржавин	3
ЕФИМ ДОРОШ — Дождь пополам с солнцем. Деревенский дневник. 1959	11
М. СВЕТЛОВ — Два стихотворения	84
АЛЕКСАНДР ЯШИН — Запасаемся светом. Пора и мне. Стихи	86
АЛИТЕТ НЕМТУШКИН — Моя тропа. Перевела с эвенкийского М. Борисова	88
М. ПАРХОМОВ — Девять баллов, рассказ	89
Е. ГЕРАСИМОВ — Куда речка течет (Из подмосковных впечатлений)	125
Е. РЖЕВСКАЯ — Второй эшелон, рассказ	160
АННА АХМАТОВА — Из трагедии «Пролог, или Сон во сне» (С послесловием А. Синявского — Раскованный голос)	172

ПУБЛИЦИСТИКА

С. ИВАНОВ — Третье слагаемое	177
И. КИЧАНОВА — В погоне за XX веком (Современные проблемы католической церкви)	193

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

И. ВИНОГРАДОВ — Деревенские очерки Валентина Овечкина (К 60-летию со дня рождения писателя)	207
---	-----

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

<i>Литература и искусство</i>	230
-------------------------------	-----

А. Македонов. Поэзии пристальный опыт. — И. Борисова. День за днем. — А. Лебедев. На грани или за гранью? — С. Розанова. Художественный мир Толстого. — М. Ландор. Книга идей и характеров.

(См. на обороте)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ ССРС»
Москва

АННА АХМАТОВА

★

ИЗ ТРАГЕДИИ «ПРОЛОГ, ИЛИ СОН ВО СНЕ»

ОНА ГОВОРИТ

Никого нет в мире бесприютней
И бездомнее, наверно, нет,
Для тебя я — словно голос лютни
Сквозь загробный призрачный рассвет.
Ты с собой научишься бороться,
Ты, проникший в мой последний сон.
Проклинай же снова скрип колодца,
Шорох сосен, черный грай ворон;
Землю, по которой я ступала,
Желтую звезду в моем окне,
То, чем я была и чем я стала,
И тот час, когда тебе сказала,
Что ты, кажется, приснился мне.
И в дыхании твоих проклятий
Мне иные чудятся слова:
Те, что туже и хмельней объятий,
А нежны, как первая трава.

ОН ГОВОРИТ

Будь ты трижды ангелов прелестней,
Будь родной сестрой заречных ив,
Я убью тебя моею песней,
Кровь твою на землю не пролив
Я рукой своей тебя не трону,
Не взглянув ни разу, разлюблю.
Но твоим невероятным стоном
Жажду, наконец, я утолю.
Ту, что до меня блуждала в мире,
Льда суровой, огненной огня,
Ту, что и сейчас стоит в эфире,
От нее освободишь меня.

ТРЕТИЙ ГОЛОС

Что нам разлука? —

лихая забава.

Беды скучают без нас.

Спьяну ли ввалится в горницу слава,

Бьет ли тринадцатый час

Или забыты, забиты, за... кто там

Так научился стучать?..

Вот и идти мне обратно к воротам

Новое горе встречать.

СЛЫШНО ИЗДАЛЕКА

Лаской страшишь, оскорбляешь мольбой,

Входишь без стука,

Все наслаждением будет с тобой —

Даже разлука.

Пусть разольется в зловещей судьбе

Алая пена;

Но прозвучит, как присяга, тебе

Даже измена.

Той, что познала и ужас и честь

Жизни загробной,

Имя твое мне сейчас произнести

Смерти подобно.

ПЕСЕНКА СЛЕПОГО

Не бери сама себя за руку,

Не веди сама себя за реку,

На себя пальцем не показывай,

Про себя сказку не рассказывай.

Идешь, идешь и спотыкнешься...

ПРИ НЕПОСЫЛКЕ ПОЭМЫ

Приморские порывы ветра,

И дом, в котором не живем,

И тень заветнейшего кедра

Перед запретнейшим окном.

На свете кто-то есть, кому бы

Послать все эти строки. Что ж!

Пусть горько улыбнутся губы,

А сердце снова тронет дрожь.

РАСКОВАННЫЙ ГОЛОС

(К 75-летию А. Ахматовой)

Многие годы поэзия Анны Ахматовой представлялась современникам как бы застывшей в замкнутых границах, проложенных ее первыми книгами — «Вечер», «Четки», «Белая стая»... Казалось, погруженная в прошлое, в мир интимных переживаний, в собственную стиховую культуру, она никогда не вырвется из плена своих излюбленных тем, знакомых образов, найденных интонаций. О том, что Анна Ахматова осуждена «перепевать себя», писала критика еще в двадцатые годы, и, к сожалению, такой взгляд на ее творчество до сих пор не изжит в читательском восприятии.

Но если обратиться к нынешней Ахматовой и внимательно перечитать все, что было создано ею за последние три десятилетия, — станут слышны чрезвычайно порой решительные новые ноты, заметны неожиданно смелые движения и повороты в том лирическом характере, который давным-давно сложился и прочно закрепился в нашем сознании.

Меня, как реку,
Суровая эпоха повернула.
Мне подменили жизнь.
В другое русло,
Мимо другого потекла она,
И я своих не знаю берегов.

Не переставая быть собою, Ахматова опровергает себя, точнее сказать — расшатывает и расширяет устоявшееся представление о себе как о поэте дореволюционной лишь поры, замкнутом в тесных пределах, в одном неизменном русле. Об этом гласит прежде всего ее гражданская лирика тридцатых годов и военного времени, исполненная трагической силы и мужества. Ахматова спорит с теми, кто хотел бы видеть в ней «стороннее» явление, чуждое жизни родной страны, равнодушное к судьбам народным. Сошлемся на ее строки о ежовщине, обернувшейся для самой Ахматовой большой личной трагедией:

Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл,—
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.

В ее лирике периода Отечественной войны очень явственно прозвучали идея единства поэта и гражданина, высокая патетика борьбы и скорби. Она писала в 1942 году в стихотворении «Мужество»:

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,—
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

Меняется сам строй, сама тональность ахматовской лирики. Мы привыкли считать ее тихой, утонченной, женственно-хрупкой, следить за игрой нюансов, «микроскопических малостей», чуть слышных, едва уловимых модуляций. Кто поверил бы, что эта «Царскосельская Муза» сумеет заговорить так громко, так крупно на языке площадного просторечия, да еще — не о чем-нибудь, а о своем трижды воспетом Царском Селе, давно уже ставшем символом изысканной поэзии прошлого? И вдруг:

...Там солдатская шутка
Льется, желчь не тая...
Полосатая будка,
И махорки струя.

Драли песнями глотку
И клялись попадьею,
Пили допоздна водку,
Заедали кутьей.
Ворон криком прославил
Этот призрачный мир,
И на розвальнях правил
Великан-кирасир.

В отличие от ряда своих литературных сверстников и современников Ахматова чуралась резких стилевых сдвигов, радикальных преобразований и более тяготела к традиционным формам стиха, к классической точности и ясности языка, к гармоничной речи Пушкина и Баратынского. Она и сейчас склонна к поэтическим реминисценциям, играющим подчас роль параллельных зеркал, которые создают в произведении углубленную перспективу и вместе с тем сближают удаленные друг от друга предметы («Как в прошедшем грядущее зреет, так в грядущем прошлое тлеет...»). Литературные имена, эпиграфы, посвящения, встречи и прощания с минувшим («Как будто прощаюсь снова с тем, с чем давно простилась...»), сведение старых счетов с собою и своею памятью — все это не сковывает, а скорее облегчает задачу: вызвать на небольшом участке стихотворного текста ощущение большого пространства и свободно двигаться в нем, аукаться, перекликаться с голосами других эпох, других сфер бытия. Благодаря широте охвата целый мир может стать посредником в разговоре автора с его мысленным собеседником, и то, что этот обмен мыслями ведется вполголоса или протекает в молчании, — уже не помеха. Безмолвие, тишина у Ахматовой обыкновенно говорят не об отсутствии, но о присутствии захватывающего, величественного.

Мне с тобою как горе с горою...
Мне с тобой на свете встречи нет.
Только б ты полночною порою
Через звезды мне прислал привет...

Новые качества поздней ахматовской лирики заставляют по-иному взглянуть и на ее литературную биографию, пересмотреть некоторые ставшие традиционными мнения о поэзии ранней Ахматовой. Стоит задаться вопросом по поводу ее возможностей — быть может, уже тогда, в начальный камерный период ее развития, таилось, существовало в потенции то, что послужило опорой позднему, окрепло и обновилось впоследствии?

Ахматова всегда была признанным мастером лирического автопортрета, воссоздающего жесты и мимику живого лица с такой непринужденной наглядностью, что оно начинает высовываться из рамы стихотворения. Малый формат в данном случае оказывался необычайно вместительным. Ахматова обладала способностью в объеме четверостишия уложить судьбу человека с его психологическими изгибами и тайнами внутренней жизни.

Я счастлива. Но мне всего милей
Лесная и пологая дорога,
Убогий мост, скривившийся немного,
И то, что ждаться осталось мало дней.

Помимо смысловой и предметной наполненности лирика ранней Ахматовой нередко способна удивить размахом интонации, силой, напором голоса, который, как писал некогда Мандельштам в стихотворении, ей посвященном, «души расковыривает недра». Лирическая партия в таком случае ведется с такой широтою душевных и соответственно интонационных движений, что камерный жанр становится пристанищем для характера крупного, мощного, почти монументального. В самом интимном она владеет искусством взвышенного, героического, трагедийного слова и жеста. Всем памятна классическая тирада Ахматовой:

Будь же проклят. Ни стоном, ни взглядом
Окаянной души не коснусь,
Но клянусь тебе ангельским садом,
Чудотворной иконой клянусь

И ночей наших пламенных чадом —
Я к тебе никогда не вернусь.

Эта инвектива не только раскрывает, как принято думать, раненое женское сердце, оскорбленное и негодующее, но и демонстрирует нам истинные возможности той личности поэта, которая стоит за всеми этими пронзительными заклятиями.

Диапазон ее лирического дарования достаточно рано давали почувствовать и произведения Ахматовой, проникнутые сознанием гражданского долга, личной и общей ответственности за судьбу родины. Примечательно в этом плане ахматовское стихотворение, написанное в 1917 году и прозвучавшее как отповедь всем, кто намеревался покинуть Россию, охваченную революционным пожаром. В тех условиях (несмотря на то, что современность была тогда представлена ею преимущественно в сумрачном освещении) был важен сам выбор, сделанный Ахматовой и решенный в пользу родной земли. Вот почему (по свидетельству К. И. Чуковского) Александр Блок, любивший это стихотворение и помнивший его наизусть, придавал ему принципиальное значение. «Ахматова права,— говорил он.— Это недостойная речь. Убежать от русской революции — позор».

...Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».
Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

От еле внятного шепота до пламенной ораторской речи, от скромно потупленных глаз до грома и молнии — такова широта ее чувства и голоса. Должно быть, именно здесь следует искать истоки того, что выросло в дальнейшем и дало возможность лирике Ахматовой повернуть в новое русло, вместив в свои берега и патриотический пафос, тишину высоких метафизических созерцаний, и шумные, разноголосые споры умерших и живущих.

А. Синявский.

